

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья первая

Светлана Сергеевна Шляхова

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614000, Пермь, ул. Сибирская, 24. shlyahova@mail.ru

Цикл работ включает три статьи, посвященные исследованию звукоизобразительности в пермских языках. В первой статье предлагается обзор и анализ русскоязычных и зарубежных исследований звукоизобразительности в финно-угорских (венгерский, финский, эстонский) и пермских (коми [коми-зырянский], коми-пермяцкий [пермяцкий], коми-язьвинский, удмуртский) языках. Устанавливается, что в немногочисленных исследованиях финно-угорские языки часто не являются самостоятельным предметом изучения, а привлекаются в качестве сопоставительного материала; большинство работ ориентировано не на фоносемантическую специфику, а на грамматические и словообразовательные возможности звукоизобразительной лексики, а также ее семантический потенциал и этимологию.

Ключевые слова: финно-угорские языки; пермские языки; изобразительные слова; фоносемантика; звукоизобразительность; ониматопея.

Вводные замечания

Звукоизобразительность в настоящее время исследуется в рамках фоносемантики. Термин «фоносемантика» (введен С.В.Ворониным) принят большинством отечественных и частью западных лингвистов, однако в мировой практике существуют и другие названия данной области исследований: *фоносемика*, *лингвистический иконизм*, *мимологика*, *мимология* и др. История фоносемантической мысли имеет давние корни и насчитывает не одно тысячелетие. Наиболее часто в связи с этим упоминаются античные теории «тесей» (Аристотель, Гермоген) и «фюсей» (стоики), французские классицисты (Ш. де Бросс, Курт де Жеблен, Ш.Нодье), английские эмпирики (Т.Гоббс, Дж.Локк), философы языка (Д.Б.Вико, Г.В.Лейбниц, И.Г.Гердер, В.Фон Гумбольдт, Г.Штейнталь, В.Вундт, Г.Пауль) и др.

Рождение фоносемантики как самостоятельной интегративной дисциплины принято связывать с именем С.В.Воронина [Воронин 1982]. В.В.Левицкий выделяет три работы, которые лежали в основе русскоязычной фоносемантики: В.В.Левицкий «Семантика и фонетика» (1973), А.П.Журавлёв «Фонетическое значение» (1974) и С.В.Воронин «Основы фоносемантики» (1982) [Левицкий 2009: 11]. Все работы являются «пио-

нерскими» в этой области, однако, на наш взгляд, именно работы С.В.Воронина надолго определили пути и перспективы возможного развития фоносемантической мысли. Если работы А.П.Журавлева и В.В.Левицкого посвящены прежде всего звукоимовизму, то в монографии С.В.Воронина обосновано выделение фоносемантики как особого научного направления.

Объектом фоносемантики является звукоизобразительная система (ЗИС) языка, которая подразделяется на две подсистемы – звукоподражательную (акустический денотат) и звукоимовлическую (неакустический денотат) [Воронин 1982].

Звукоподражательную подсистему составляют звукоподражания, или ониматопеи, в основе которых лежит закономерная, не произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым признаком денотата (к.-п.¹ *болльыны* «булькать, хлюпать», *гуж-важ* «подражание шуму падающего с крыши снега, скользящих досок», *кальскётны* «звякать, лязгать»; к.-з. *кучкыны* «ударить, стукнуть», *дживакывны* «щебетать», *дзизгыны* «жужжать, пищать»; удм. *дабыльтыны* «говорить, лепетать, тараторить», *кхым* «подражание покашливанию», *вырт-вырт* «подражание биению сердца» и др. – передача

речевым звуком звука неречевого). Звукоподражательная подсистема представляет в языке акустический денотат, который состоит из нескольких классов и типов звучаний. Термины, используемые для ономатопей в пермистике, – *подражательные слова, звукоподражания, имитативы*.

Звукосимволическую подсистему составляют звукосимволические слова; в основе их – закономерная, непроизвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым признаком денотата, т. е. передача речевым звуком образа, ощущения, движения, впечатления от обозначаемого предмета. Эта подсистема представляет в языке неакустический денотат (к.-п. *люшляш код* «о сильной степени опьянения», *шув-нав пырны* «зайти быстро, стремительно, уверенно»; *букыш-букын ветлӧны* «ходить, отставив зад», *гигнь-гогиня* «зигзагообразный, извилистый», *лешки-вошки* «о состоянии крайнего возбуждения», *люг-лег* «о чем-л. шатком»; к.-з. *дзим-дзурк* «опрятно, аккуратно», *дӱн-дӱн* «неравномерно, островками», *путь-пась* «вдребезги»; удм. *жом-жом* «выраж. состояние, когда сильно промокает», *тыр-пар* «о вертлявом человеке или животном», *ыш-ыш-ыш* «выражает ощущение холода» и пр.). В основе номинации звукосимволического слова лежат признаки объектов, воспринимаемые в любой модальности человека, кроме слуховой (зрение, вкус, осязание, обоняние, органические ощущения и пр.). Термины, используемые в пермистике, – *образоподражательные, образно-подражательные, наречно-изобразительные, изобразительные слова*.

Следует подчеркнуть, что в теории звукоизобразительности финно-угорских языков (в отличие от индоевропеистики) никогда не происходило смешения звукоподражательности и звукосимволизма. Даже самые первые классификации четко разделяют эти сферы.

Из истории изучения звукоизобразительности в финно-угорских языках

История зарубежной и русской фоносемантики подробно представлена во многих фундаментальных исследованиях [Журавлев 1974; Воронин 1982, 1990; Михалёв 1995; Левицкий 1998, 2009; Павловская 2001; Magnus 2001; Шляхова 2003; Прокофьева 2008 и др.].

Известно множество библиографических списков, среди которых можно отметить списки: Sean A. Day [Day 2005] по исследованию синестезии; университетов Amsterdam (Нидерланды) и Zürich (Швейцария) по иконизму в лингвистике [Iconicity in Language 2004]; университета Graz (Австрия) по редупликации [Bibliography of

reduplication]; Shelly Wyncoop и Levin Golan из Carnegie Mellon University (Питсбург, США) по синестезии и фонестемии [Wyncoop, Golan 1996]; Kimi Akita из Токийского университета [Akita 2010] и John J. Ohala из Cambridge University (США) [Ohala 1983] по звукосимволизму. Однако данные списки не включают славяноязычные работы.

Особенно активно фоносемантические исследования проводятся в Японии, Европе и США, однако среди огромного количества литературы последних десятилетий по тем или иным аспектам фоносемантики нами было обнаружено незначительное количество работ на материале финно-угорских языков. Так, в список 2010 г. Kimi Akita включено около 1050 наименований, среди них лишь 9 работ на материале финно-угорских языков (венгерский, финский, эстонский), из них – два доклада на конференциях [Jaaskelainen 2010; Pinter 2003].

Наиболее полный список существующей литературы и интернет-ресурсов по звукоизобразительности представлен в библиографическом списке американской исследовательницы М.Магнус [Magnus], куда включены и русскоязычные работы (Н.И.Жинкин, А.Г.Бандурашвили, А.И.Моисеев, С.В.Воронин, В.В.Левицкий, А.П.Журавлев, Б.М.Галеев, Э.Вельди, А.Б.Михалев, С.С.Шляхова, Л.П.Прокофьева и др.). Во всех перечисленных списках исследования по пермским языкам отсутствуют.

Можно отметить следующие работы, посвященные языкам финно-угорской группы: волжские – мордовский [Имайкина 1968], марийский [Гордеев 1961, 1981]; обско-угорские – венгерский [Skalička 1935; Скаличка 1967; Gombocz 1914; Bencze 1991; Allport 1935; Левицкий 1977; Pinter 2003]; пермские [Vatori 1969; Тараканов 1990а, 1990б, 1998; Шибанов 2006а, 2006б] – коми-зырянский [Сахарова 1947, 1949; Бубрих 1948; Лудыкова 1992; Шибанов 2010]; коми-пермяцкий [Кривошекова-Гантман 1962, 1964; Шляхова, Петрова 2000]; удмуртский [Алатырев 1947, 1983; Соколов 1973, 1996; Тараканов 1998; Максимов 1994; Шибанов 2008, 2009]; прибалтийско-финские [Mikone 2001] – финский [Anttila 1975, 1976, 1997; Хакулинен 1955; Дубровина, Герд 1979; Austerlitz 1994; Yoshikawa 1989; Jarva 2001; Беликова 2004]; эстонский [Пылма 1967; Вельди 1988, 1989].

Данные по звукосимволизму венгерских языков находим в работах В.В.Левицкого [Левицкий 1977, 2009]. Так, по шкале «маленький – большой» венгерские гласные расположены в следующем порядке: /h/, /ts/, /p/, /t/, /f/, /j/, /k/, /v/, /b/,

/l/, /g/, /n/, /z/, /tʃ/, /m/, /ʒ/, /d/, /ʃ/, /s/, /r/; гласные – /i/, /e/, /a/, /y/, /u/, /o/ [Левицкий 2009: 26–27].

В.В.Левицкий упоминает работу венгерского исследователя И.Фонадя [Fonagy 1961]. Разделив стихотворные произведения Шандора Петефи на 6 «ласковых» и 6 «агрессивных», И.Фонадь установил, что большинство звуков встречается в обеих группах текстов с приблизительно одинаковой относительной частотой. Однако частота некоторых звуков существенно отличалась в каждой из двух групп: /l/, /m/, /n/ чаще встречаются в «нежных» произведениях, а /t/, /k/ и /r/ – в «агрессивных» [Fonagy 1961: 194–195]. В целом такое распределение повторилось, по подсчетам И.Фонадя, в текстах Верлена, Гюго и немецкого поэта Рюккерта [Левицкий 2009: 144].

В.В.Левицкий также упоминает о работе С.Эртеля [Ertel 1969], который в материал экспериментального исследования объективного звуко-символизма включил и финно-угорские языки. По мнению В.В.Левицкого, «С.Эртель допустил существенный методический просчет, поставивший под сомнение результаты проведенного исследования. Он отбирал и группировал подлежащие исследованию языки не по лингвистическому, а по географическому признаку (языки Азии, Африки и т. п.), в результате чего в его списке оказалось четыре славянских языка (из них два близкородственных), три индоиранских (из них два близкородственных – хинди и урду), два финно-угорских и только один тюркский и т. д.» [Левицкий 2009: 60–61].

В вышеназванных исследованиях финно-угорские языки часто не являются самостоятельным предметом изучения, а привлекаются в качестве сопоставительного материала как неродственные языки по отношению к основному предмету исследования: английского и венгерского [Allport 1935]; германских и эстонского [Вельди 1989]; английского и эстонского [Veldi 1994]; венгерского и еще восьми неродственных языков [Левицкий 1977]. Кроме того, звукоизобразительность этих языков часто рассматривается в рамках общего исследования [Gombocz 1914; Хакулинен 1955; Алатырев 1947; Дубровина 1972; Олыкайнен 1981; Лудыкова 1992; Меркушева 2003; Федина 2001, 2005; Суббота 2009; Панюков 2010], не связанного с фоносемантическими аспектами.

Так, В.М.Лудыкова исследует осложненное глагольное сказуемое, выраженное сочетанием основного глагола и изобразительного или звукоподражательного глагола в коми языке. Автор указывает на отсутствие подобной конструкции в индоевропейских языках, что создает пробле-

мы, а часто и невозможность их перевода [Лудыкова 1992].

Л.Хакулинен обращает внимание на то, что финский язык крайне богат звукоподражательными словами, и отмечает особую роль изобразительных слов в языке. Он утверждает, что «эта категория слов настолько многообразна и жизненна, что ее следует считать одной из наиболее характерных особенностей словарного состава финского языка». По его мнению, эти «дескриптивные слова приближаются к музыке в том отношении, что при образовании значения большую роль в них играет чувство, тонкие художественные различия оттенков чувственного восприятия, чем логическое выражение сущности понятия», что характерно для так называемых первобытных народов [Хакулинен 1955: 18–23]. Исследователь отмечает архаичность звукоизобразительности как таковой, ее древнюю природу.

Не случайно «отец современного «высокого» фэнтези» Дж.Р.Р.Толкин базой для «новых» языков («Властелин колец» и др.) выбрал финский (для квэнийского) и валлийский (для синдаринского) языки. Это косвенно указывает на то, что финно-угорские языки в современной синхронии показывают высокую степень сохранности примарной мотивированности. Профессор Дж.Р.Р.Толкин, зная несколько десятков языков, составлял свои языки, во многом опираясь на фоносемантические критерии: «лично меня здесь больше всего интересуют, наверное, форма слова как таковая и взаимосвязь звучания слова с его значением (так называемое фонетическое соответствие)» [Толкин 1998]. Сын Дж.Р.Р.Толкина Кристофер (издатель наследия отца) пишет, что его отец не просто придумывал новые слова, а производил их от исходных корней-основ [Tolkien 1967]. Дж.Р.Р.Толкин чувствует сохранность «первобытной» силы финского языка.

В этом контексте чрезвычайно интересной представляется интерпретация детских считалок коми В.А.Панюкова, который «реконструирует интертекстуальный путь от заумного текста к его смысловому восприятию». По мнению автора, «в силу того, что восприятие (осмысление) такого текста не может опираться на лексико-семантический уровень ... семантический поиск переключается с линейного лексического содержания на парадигматику: осмысляются извлекаемые из текста звуко-смысловые ассоциации». Далее происходит «мобилизация интертекстуальной активности», выход «в сферу традиционных фольклорных смыслов», проекция «заумного текста на элементарные сюжетные темы, характерные для фольклорной традиции: сюжеты о

рыбалке, сюжеты об охоте и т. п. Такая прототипичность смысловых аттракций может стать источником ложной архаизации подобных фольклорных явлений» [Панюков 2010: 93, 96]. Стратегия «звукосмысловых ассоциаций» указывает на «семантическую» звуковой «абракадабры», которая поддерживается стратегией «архаизации», пусть даже и ложной. Данная трактовка зауми согласуется с нашей концепцией «другого» языка [Шляхова 2005], ядром которого является заумь.

Заумная речь понимается как нелинейная самоструктурирующаяся среда, где автономные свойства знаков, заданные на биологическом уровне, репрезентируются в разного рода дискурсах – обрядово-игровой и магически-религиозный; идиолектная заумь; «говорение» при патологиях речи и в состояниях измененного сознания и пр. Все исследователи указывают на ту или иную степень координации зауми с родным языком носителя. Заумь – либо говорение на одном из известных древних или современных языков (мистическое говорение), либо «новая» форма речи (поэтическая и детская речь). В «другой» речи актуализирована языковая периферия во всех ее проявлениях. Заумные подсистемы в любой пространственно-временной и социокультурной парадигме возникают как сопоставимые (изоморфные) системы [Шляхова 2005]. Можно считать, что Дж.Р.Р.Толкин и дети в создании «других» языков идут одним путем, который согласуется с фоносемантическим законом стадильности развития языка (от натуральной стадии к конвенциональной).

В.В.Левицкий считает, что не все языки в равной степени обладают звукосимволическими свойствами, и выстраивает следующий ряд по мере убывания звукосимволического признака: финно-угорские; тюркские, индонезийские, эвенкийский, нивхский, японский, грузинский; одно из последних мест занимают китайский и тамильский [Левицкий 2009: 85]. Очевидно, что сохранность и значимость звукоизобразительных свойств в финно-угорских языках чрезвычайно высока, однако это свойство исследовано в финно-угроведении, на наш взгляд, недостаточно глубоко.

Специальные работы, посвященные финно-угорской звукоизобразительности, ориентированы не на фоносемантическую специфику, а на грамматические и словообразовательные возможности звукоизобразительной лексики, а также ее семантический потенциал и этимологию [Skalička 1935; Сахарова 1947, 1949; Кривошекова-Гантман 1962, 1964; Пылма 1967; Имайкина 1968; Дубровина 1972; Алатырев 1983; Лудыкова

1992; Соколов 1996; Тараканов 1998; Шибанов 2006а, 2005б, 2009, 2010; Гордеев 1981]. Собственно фоносемантические подходы в сфере неакустического денотата представлены в работах: [Allport 1935; Левицкий 1977; Bencze 1991]; в сфере акустического денотата – у [Вельди 1988, 1989; Беликова 2004].

Важным шагом в развитии фоносемантики финно-угорских языков можно считать исследования З.Гомбоца [Gombocz 1914] и В.Скалички [Skalička 1935; Скаличка 1967].

З.Гомбоц приводит критерии идентификации звукоизобразительных слов для этимологизирования их в своем словаре [Gombocz, Melich 1914-1936]: 1) незначительное географическое распространение; 2) отсутствие таких слов в старых словарях и письменных памятниках; 3) фонетическая вариативность (*ballog*, *bullog* «медленно идти, семенить»). Автор выделяет две группы звукоизобразительных слов: *hangutánzó szavak* (звукоподражательные слова) и *hangfestő szavak* (звукоописывающие слова) [Gombocz 1914].

Очевидны противоречия в данных критериях идентификации: отсутствие тех или иных единиц в письменных памятниках не отменяет их существования в языке; фонетическая вариативность часто напрямую связана с локальностью бытования и пр. Некорректные критерии выделения звукоизобразительных слов приводят З.Гомбоца к тому, что он отрицает, например, связь венг. *gágogni* «гоготать» с уд. *gagäkt*, саамск. *gakket*, морд. *gagan*, *kagan* [Gombocz 1914: 387]. Однако в целом работы З.Гомбоца явились важным шагом в исследовании венгерских ономастических и звукосимволических слов, поскольку в этимологическом словаре устанавливаются целые фоносемантические гнезда на основе звукоизобразительного корня.

Широкую известность получила работа В.Скалички «Исследования венгерских звукоподражательных выражений» (1935), где ставится вопрос и природе ономастических, а также подвергаются критике практика и теория этимологизирования ономастических З.Гомбоцем [Skalička 1935; Скаличка 1967]. Автор касается фонетической и фонологической сторон звукоподражательных слов; определяет звукоподражательность как «отношение элементов означаемого и означающего, базирующихся на соотносительности их свойств», отмечает, что «слова, обладающие значительным элементом звукоподражания, повторяются в различных языках» [Скаличка 1967: 284].

Особое внимание В.Скаличка уделяет аномальности (фонетической и грамматической)

звукоподражательных слов; рассматривается также их эмоциональный компонент и развитие звукоподражательным корнем большого числа «незвуковых» значений.

Можно считать, что в работе В.Скалички пунктирно намечены основные вопросы современной фоносемантики: проблемы синестезии, звукоизобразительные функции фонем, примарная мотивированность, аномальность и маргинальность звукоизобразительных слов, их этимологизирование, фоносемантическое поле и пр.

Е.Миконе считает, что активное изучение идеофонов языков прибалтийско-финской группы относится к 20-30-м гг., интерес к проблеме усилился к 70-м гг. XX в. в работах R.Anttila (финский) и E.Veldi (эстонский), которые считаются «пионерами» в этой области. Е.Миконе рассматривает финские и эстонские идеофоны в аспекте их количественной фиксации в словарях, частеречной принадлежности, типичных инициальных фонем и аффиксов, частичной и полной редупликации [Миконе 2001].

Активные фоносемантические исследования в финно-угорских языках пермской группы начали проводиться с середины XX в. Работы по звукоизобразительности пермских языков не носят фундаментального характера (преимущественно формат научной статьи). Сегодня уже можно считать классическими работы М.А.Сахаровой, Д.В.Бубриха, А.С.Кривошековой-Гантман.

Д.В.Бубрих в статье «К проблеме изобразительной речи» (1948) описывает формальную и семантическую стороны изобразительных слов. Автор рассматривает глаголы, превратившиеся в суффиксы изобразительных глаголов (-*кывны* передает длительность звучания; -*мунны* – мгновенность звучания или «звучащего» действия и пр.). К фонетическим свойствам изобразительных слов он относит редупликацию («удвоенные изобразительные слова»), вариативность гласного, фонетическую аномальность (начальное сочетание согласных), некоторую семантическую зависимость отдельных фонем (-*рск-*, -*лск-*, -*льск-* имеют связь с глаголами на -*кыны* / -*гыны* и др.).

В работе Д.В.Бубриха рассматривается также вопрос о семантическом потенциале изобразительных слов. В отличие от неизобразительных знаменательных слов, изобразительные слова имеют несколько иной обобщающий характер. Он считает, что «обобщающая сила изобразительных слов чрезвычайно мала. Для них нет просто ходьбы, а есть бесчисленное количество всяких способов хождения» [Бубрих 1948: 91].

Ср. к.-п. *питькыр-питькыр*, *питкыль-питкыль* (*питькыр-питькыр пырис керкуо* «(пе-

реваливаясь) вихляясь зашёл в дом»); *сунбан-сунбан* «изображение покачивания, запинания, шатания»; *лешкыны-вотчыны* «с трудом успевать плестись за кем-л»; *букыш-букын ветлоны* «ходить, отставив зад»; *быгыль-быгыль мунны* «семенить (о полном низкорослом человеке)»; *лешкыны-которны* «бежать грузно, устало»; *люшкыны-мунны* «идти тяжело, еле двигая ногами»; *лэздыр-баздыр мунны* «идти медленно (о высоком)» и пр.

Далее Д.В.Бубрих поднимает проблему изобразительной речи и стоящего за ней наглядно-образного мышления: «изобразительные слова – будь они взяты из коми языка или любого иного – это как раз тот речевой материал, который пригоден для изучения наглядно-образного мышления в точном значении этого термина» [там же: 94]. По сути, автор отмечает древнюю природу данных языковых единиц. Также он полагает, что «будучи проникнутыми действенным содержанием, они по семантике сопоставимы с деепричастиями» [там же: 85].

Богатый звукоизобразительный материал был собран М.А.Сахаровой, составившей рукописный словарь изобразительных слов коми-зырянского языка. В статье М.А.Сахаровой «Изобразительные слова в коми языке» (1949) представлена характеристика изобразительных слов. Из фонетических особенностей отмечается их способность выступать парами с варьированием гласного. По морфологическим признакам изобразительные слова М.А.Сахарова сближает с наречиями. В работе приводится большой материал о словообразующей роли этих слов и о составе суффиксов, с помощью которых от изобразительных слов образуются изобразительные глаголы, прилагательные и существительные.

Фоносемантические аспекты коми-пермяцкого языка стали объектом исследования в работах А.С.Кривошековой-Гантман [Кривошекова-Гантман 1962, 1964]. Автор фиксирует наиболее употребительные коми-пермяцкие слова: звукоподражательные («воспроизведение аффективных выкриков, звуковых особенностей речи человека, криков животных и звучаний живой и неживой природы») и образоподражательные («изображения с помощью звуков речи двигательных образов, движений, состояний, качеств предметов») [Кривошекова-Гантман 2006: 40, 46].

А.С.Кривошекова-Гантман последовательно рассматривает основные семантические, фонетические и грамматические особенности этих слов и определяет их место в системе частей речи коми-пермяцкого языка: «изобразительные слова не могут отождествляться с наречиями, хотя у

них имеются и общие черты», «изобразительные слова не сливаются с междометиями в один ряд слов, так как между ними имеются значительные различия» [Кривошекова-Гантман 2006: 54–55].

Автор отмечает сходство и различия между изобразительными словами и междометиями. Сходство между теми и другими выражается в отсутствии номинативной функции. Различия между изобразительными словами и междометий, по мнению А.С.Кривошековой-Гантман, состоят в том, что фонетическая структура изобразительных слов сложнее, чем междометий (первичных); изобразительные слова в большинстве случаев выступают в виде повторов; класс изобразительных слов во много раз богаче ряда междометий; в отличие от изобразительных слов, междометия не могут быть членом предложения и не связаны со знаменательными словами и др. [там же: 54 и след.].

Автор дает подробную характеристику звукоизобразительных слов коми-пермяцкого языка, намечая при этом и фоносемантические характеристики данного класса лексики: «звуковой состав изобразительных слов очень часто непосредственно связан с природой воспроизводимого звучания». Так, «наличие в конце слова смычных согласных звуков, которые нельзя тянуть, указывает обычно на прерываемость действия, а также на резкость или мгновенность воспроизводимого звучания: *чильк-чольк* – подражание временами прерываемому течению слабой тонкой струи жидкости; *дзильк-дзольк* – подражание отрывистому течению более сильной и толстой струи жидкости, чем предыдущая; *звырк керис* «мелькнул», *швырк летис* «моментально исчез (вышел)» [там же: 41].

По мнению А.С.Кривошековой-Гантман, «языковые (фонетические) особенности накладывают на слуховое восприятие известный отпечаток. Именно этим обусловлен тот факт, что одинаковые звуки у разных народов часто передаются различным образом в языках. Так, в звоне колокольчика русский слышит *динь-динь-динь*, а коми-пермяки звуки такого же колокольчика воспроизводят как *силь-силь-силь*, отсюда *силькан* «колокольчик». В мяуканье кошки русские Верхнего Прикамья улавливают *мяв-мяв*, отсюда *мявкать* «мяукать», коми-пермяки – *няв-няв*. Особенности их языка (отсутствие мягкой фонемы [м']) не позволяют копировать кошачье мяуканье как *мяв-мяв*, а звуковой комплекс *мяв-мяв*, по их представлениям, менее соответствует для этой цели, чем *няв-няв*» [Кривошекова-Гантман 2006].

С точки зрения фоносемантики, нельзя говорить о большом различии приводимых примеров. Несмотря на то что *мяв-мяв* и *няв-няв* на первый взгляд не совпадают, в их состав входят общие фонемотипы: сонорные носовые (м, н) и губно-зубной (в). Ср.: укр. *нявкання, нявчання*; англ. *tewing, miaow*; нем. *Miauen*; фр. *miaulement*; итал. *miagolio*; исп. *maullido, maullo*; алб. *mjaullin*; тур. *miyav* «мяукать, мяуканье».

В составе *динь-динь* и *силь-силь* общие фонемотипы – сонорные (м, н) и узкий гласный (и). Ср. схожий фонемотипный состав в других языках: звук удара о металлическое, стеклянное; звяканье, звон: англ. *ting, tang, bong*; груз. *kumkum-i*; баск. *binban*; кхмер. *ча:нг-ча:нг*; чув. *панн, тан*; япон. *pin, pon, chon*; бурят. *тинн*; индонез. *letang*; тур. *dan*.

А.С.Кривошекова-Гантман также говорит о процессах заимствования в сфере звукоподражаний, отмечая, что бесспорными заимствованиями из коми-пермяцкого языка в пермских говорах являются слова: *гыжи-важи* (Ил., Кар.) «подражание звукам царапанья, чесания», отсюда *гыжгаться* «чесаться, царапаться»; к.-п. *гыжъясьны* «то же»; *гыжъявны* «сцарапать, расцарапать, чесать». В основе перечисленных слов коми *гыж* «ноготь, коготь, копыто»; ср. удм. *гижы* «то же»; *дзили-дзоли* (Ил., Кар.) подражание течению жидкости. *Дзолькать* «журчать, течь тонкой струей в сосуд или выливаться из него». Ср. к.-п. *дзиль-дзоль, дзили-дзоли лэдзчыны* или *дзольгыны-лэдзчыны* «то же» [там же] и др.

Представляется, что говорить о бесспорных заимствованиях звукоподражаний не совсем корректно. Так, справедливы замечания в этимологизировании звукоподражательных слов в диалектах Русского Севера: *вакуша* «лягушка» сопоставляется с прибалтийско-финскими языками, однако «семантика «квакать» на основе исходной «каркать, кричать (о птицах)» могла появиться как в языке-источнике, так и на русской почве» [МСФУСЗ 2004 1: 54]; *бреньгать* «трепать шерсть» сопоставляется с финским заимствованием, однако «не исключено, что финские слова заимствованы из русского, а *бреньгать* – обратное заимствование из финского источника» [там же: 35].

Безусловно, какая-то часть ономастопей может заимствоваться (напр., слова с начальным *дз-, ти-, дж-* (*джурум-джурум* «о перемещении белки по дереву»), скорее всего, в русских (прикамских) говорах будут заимствованиями), однако первообразные звукоподражания относятся к базовому коммуникативному фонду как в филогенезе, так и в онтогенезе речи, поэтому нельзя

безусловно говорить о заимствованиях в области звукоподражаний.

А.С.Кривошекова-Гантман считает также заимствованиями из коми-пермяцкого русские звукоподражания *грыз-грыз* или *гырс-гырс* «подражание скрежету зубами». К.-п. *гырс-гырс* «то же». От этого звукоподражательного комплекса *гырскать* «издавать скрежет зубами»; *гырскаться* «скрежетать»; ср. к.-п. *гырскыны* «то же», к.-язв. *гөрскино* «грызть (напр. сухари)» [там же]. Однако рус. *грызть* – звукоподражательного происхождения [Черных I: 224]. Ср. коми *гырс-гырс керны* «грызть»; *гычыр-гычыр*, *гырчыг-гырчыг* «скрежет зубов»; лит. *dzir-*; тадж. *гарч-*; мал. *gores-*; араб. *SRR* «скрип, скрежет».

Ср. также: к.-п. *кула-кола* «шум волны»; рус. *гыл-гыл*, *кувьль-кувьль*, *кувьль-кувьль*; тадж. *кул-к*, якут. *кыл-к*, мал. *gelekok*, араб. *LKLK* «бульканье, плеск».

К.-п. *гульс-гульс*, рус. *глотать*, *глоток* (звукоподр. [Фасмер I: 415]), *глы* (*Глотая, он издавал звуки, очень похожие на звук «глы»* – А.Чехов. «Цветы запоздалые»); лит. *kluk-*; тадж. *култ-к*; якут. *кулк* «глотание».

К.-п. *буз-баз* «бултых», *баз-баз* «буль-буль», *базнитны* «ударить»; *базгысны* «падать с грохотом»; *базгыны-лыны* «бахнуть, грохнуть»; рус. диал. *бузы-базы* «звук резкого движения жидкости», *базгать* «ударять, стучать»; япон. *zabu-z* «плеск»; словен. *bzikati* «с силой брызгать».

В представленном выше материале говорить о заимствованиях в столь различных языковых ареалах, на наш взгляд, не представляется возможным. Хотя, безусловно, нельзя исключать влияния смежных языков.

Тем не менее в любом случае работы А.С.Кривошековой-Гантман вносят большой вклад в развитие коми-пермяцкой фоносемантики.

В удмуртском языке изобразительные слова исследует И.В.Тараканов в работе «Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке» (1990). Автор отмечает древнюю природу имитативов («восходят к эпохе до образования былых и современных национальных языков»), рассматривает наиболее продуктивные суффиксы в изобразительных глаголах, их исторические аспекты [Тараканов 1998: 188–194].

В последнее время наблюдается рост интереса к данной проблеме [Максимов 1994; Соколов 1996; Беликова 2004; Шибанов 2006а, 2006б, 2009, 2010]. Сегодня в пермистике правомерно, на наш взгляд, ставится вопрос о выделении изобразительных слов в самостоятельный лексико-грамматический разряд. Д.В.Бубрих сближает изобразительные слова с деепричастиями,

М.А.Сахарова – с наречиями, а А.С.Кривошекова-Гантман последовательно отделяет их и от наречий, и от междометий. А.А.Шибанов, исследуя проблему подражательных слов в системе частей речи в удмуртском языке, настаивает на их выделении из других лексико-грамматических групп, тогда как «в настоящее время данная категория слов относится к категории наречия» [Шибанов 2010: 133]. В работах по пермским языкам материалом исследования часто является диалектный материал [Максимов 1994; Шибанов 2009], а также поэтический дискурс [Шибанов 2008].

Однако достоверность и убедительность фоносемантических данных возрастает в разы при исследовании различных языков по общим методикам. Настоящий обзор показывает, что пермистика не включена в контекст мировых исследований, однако и мировая наука не знакома с работами специалистов по пермским языкам.

Примечание

¹ Здесь и далее языки: азерб. – азербайджанский, алб. – албанский, англ. – английский, араб. – арабский, баск. – баскский, бурят. – бурятский, венг. – венгерский, груз. – грузинский, доперм. – допермский, др.-англ. – древнеанглийский, и.-е. – индоевропейский, индонез. – индонезийский, исп. – испанский, итал. – итальянский, к.-з. – коми-зырянский, к.-п. – коми-пермяцкий, к.-яз. – коми-язьвинский, кхмер. – кхмерский, лит. – литовский, мал. – малайский, манс. – мансийский, мар. – марийский, морд. – мордовский, нем. – немецкий, общеп. – общепермский, осет. – осетинский, польск. – польский, рум. – румынский, рус. – русский, саамск. – саамский, словен. – словенский, тадж. – таджикский, тур. – турецкий, уд. – удорский диалект (к.-з.), удм. – удмуртский, укр. – украинский, фин. – финский, фр. – французский, хант. – хантыйский, чеш. – чешский, чув. – чувашский, эрз. – эрзя-мордовский, эст. – эстонский, якут. – якутский, япон. – японский.

Список литературы

Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М.Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. С.586.

Алатырев В.И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Учен. зап. ЛГУ № 105. Л., 1947. Вып. 2. С.216–236.

Беликова А.Е. Семантика глаголов звучания в финском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 26 с.

- Бубрих Д.В.* К проблеме изобразительной речи // Учен. зап. Карело-Фин. ун-та. Исторические и филологические науки. 1948. Т.3, вып.1. С.85–94.
- Вельди Э.А.* О некоторых чертах германского происхождения в звукоподражательной лексике эстонского языка // Проблемы фоносемантики. М., 1989. С.35–36.
- Вельди Э.А.* Англо-эстонские параллели в ономотопее: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тарт. ун-т, 1988. 21 с.
- Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
- Гордеев Ф.И.* Подражательные слова // Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961. С.308–313.
- Гордеев Ф.И.* Подражательные слова и этимология // Вопр. марийской диалектологии. 1981. С.138–147.
- Дубровина З.М.* Инфинитивы в финском языке. Л.: Изд-во ЛГУ. 1972. 208 с.
- Дубровина З.М., Герд А.С.* Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Сов. финно-угроведение. Таллин, 1979. XV. Вып.4. С. 245–247.
- Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 160 с.
- Имайкина М.Л.* Наречно-изобразительные слова в мордовском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тарт. ун-т, 1968. 16 с.
- Кривощекова-Гантман А.С.* Изобразительные слова. Кудымкар, 1962. С.44–70. (В помощь учителю).
- Кривощекова-Гантман А.С.* Собрание сочинений. Т.1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. 246 с.
- Кривощекова-Гантман А.С.* Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопр. финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964. С.112–121.
- Левицкий В.В.* Звуковой символизм: Мифы и реальность. Черновцы: Рута, 2009. 186 с. [Авторский электронный вариант].
- Левицкий В.В.* Звуковой символизм: Основные итоги. = Sound symbolism: Principal results. Черновцы, 1998. 129 с.
- Левицкий В.В.* Объективный и субъективный звуковой символизм в финно-угорских языках // Исследования финно-угорских языков и литературы: тезисы докл. всесоюз. науч. совещ. Ужгород: УГУ, 1977. С. 42.
- Лудыкова В.М.* Изобразительные конструкции в коми языке // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков: сб. ст. Сыктывкар, 1992. С.92–100.
- Максимов С.А.* О наречно-изобразительных словах с конечным *-ы* в северном наречии // Вестн. Удм. ун-та. 1994. № 7. С. 22–25.
- Меркушева Т.Н.* Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 33 с.
- Михалев А.Б.* Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=59 (дата обращения: 25.05.2011).
- МСФУСЗ 2004, 1* – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып 1 (а-и) / под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург, 2004.
- Олыкайнен В.М.* Описательные глаголы в финских диалектах в аспекте лексикологии // Прибалтийско-финское языкознание. Вопр. лексикографии. Л., 1981. Вып. 6. С. 13–16.
- Павловская И.Ю.* Фоносемантический анализ речи. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2001. 292 с.
- Панюков А.В.* К вопросу о самоорганизации зауми (на материале коми считалок) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 49, № 34 (215). С.93–99.
- Прокофьева Л.П.* Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: дис. ... докт. филол. наук. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2008. 442 с.
- Пылма В.А.* Звукоизобразительные глаголы в эстонском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1967. 45 с.
- Сахарова М.А.* Изобразительные слова в коми языке // Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. 23 янв. – 4 февр. 1947 г.: тез. докл. Л.: ЛГУ, 1947. С.57–58.
- Сахарова М.А.* Изобразительные слова в коми языке // Сов. финно-угроведение. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. Т. 4.
- Скаличка В.* Исследование венгерских звукоподражаний // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С.277–316.
- Соколов С.В.* Названия птиц в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1973. 18 с.
- Соколов С.В.* Пышкылон (звукоподажательные) кыльес но междометиос // Вордскем кыл. 1996. № 4. С.69–73.
- Суббота К.А.* Глагол в ижемском диалекте коми языка: грамматические категории и словообразования (на материале казымского говора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2009. 18 с.
- Тараканов И.В.* Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке //

Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. IB: Sessiones plenes et symposia. Debrecen, 1990a. S.209–214.

Тараканов И.В. Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Тараканов И.В. Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1998. С.188–194.

Тараканов И.В. Подражательные и изобразительные глаголы в пермских и волжских финно-угорских языках // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 2A: Summaria dissertationum: Linguistica. Debrecen, 1990b. S.254.

Толкин Дж.Р.Р. Тайный пророк // Знание-Сила. 1998. №6. С. 148-157.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986-1987.

Федина М.С. Парные слова коми языка в лексикографическом аспекте // Вопр. коми филологии: сб. науч. ст. Сыктывкар: Изд-во Сыктыв. ун-та, 2005. С.111–116.

Федина М.С. Семантика парных глаголов в коми языке // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Сыктывкар, 2001. С.261–265.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. Ч.II.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1993.

Шибанов А.А. Изобразительные слова в пермских языках // Пермистика XI: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006б. С.265–270.

Шибанов А.А. Наречия и подражательные слова в коми языке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология Искусствоведение. 2010. Вып. 49, №34 (215). С.133–137.

Шибанов А.А. О функционировании некоторых наречно-изобразительных и звукоподражательных слов северного диалекта удмуртского языка // Русский Север и восточные финно-угры: сб. ст. Ижевск: [б. и.], 2006а. С.390–393.

Шибанов А.А. Об изученности изобразительных слов в северном наречии удмуртского языка // Пермистика X: вопр. пермской и финно-угорской филологии: сб. ст. Ижевск: Удм. ун-т, 2009. С.383–389.

Шибанов А.А. Функционирование звукоподражательных слов в стихах и поэмах Кузубая Герда // Кузубай Герд и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ижевск: Бон Анца, 2008. С.119–122.

Шляхова С.С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. 350 с.

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм.гос. пед. ун-т, 2003. 216 с.

Шляхова С.С., Петрова С. Коми-пермяцкие акустические ономотопы (материалы к универсальной классификации ономотопов) // Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания. Кудымкар, 2000. С.58–60.

Akita K. A Bibliography of Sound-Symbolic Phenomena Outside Japanese. Bibliography B. 2010. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbnxha2l0YW1ib3xneDozZDNjNjBINWRlZGU4ZGEy> (дата обращения: 25.05.2011).

Allport G. Phonetic Symbolism in Hungarian Words. Cambridge, Harvard University, 1935. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 16.05.2010).

Anttila R. Affective vocabulary and borrowing: Finnish *pirskottaa* «sprinkle» and *patistaa* «urge, prod.» // Journal of Finnish Studies. 1997. Vol.1(2). P.111–114.

Anttila R. Affective Vocabulary in Finnish: an(other) Invitation // Ural-Altische Jahrbücher. 1975. Vol.47. P.10–19. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 19.04.2010).

Anttila R. Affectivis [-deskriptivis-onovatopoieettis]ten sanojen asema kielen merkkisysteemissä // Virittäjä. 1976. Vol.2. P.126–131.

Austerlitz R. Finnish and Gilyak sound symbolism – an interplay between system and history // Sound Symbolism / Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P.249–260.

Batori I. Wortzusammensetzung und Stammensetzung im Syrjanischem mit Berücksichtigung des Wotjakischen Ural-altaische Bibliothek. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1969. 170 s.

Bencze L. Iconicity in Hungarian Grammar // Proceedings of LP '90, Linguistics and Phonetics: Prospects and Applications, Bohumil Palek and Pøemysl Janota. Prague: Charles University Press, 1991. P.157–162.

Bibliography of reduplication. Institute of Linguistics, University of Graz. URL: <http://reduplication.uni-graz.at/> (дата обращения: 25.05.2011).

Day Sean A. Synesthesia bibliography. 2005. URL: <http://home.comcast.net/~sean.day/syn-bibliography.htm> (дата обращения: 25.05.2011).

Ertel S. Psychophonetik (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation). Göttingen, 1969. 230 S.

Fonagy J. Communication in Poetry // Word. 1961. Vol.17, №2. P.194–218.

Gombocz Z., Melich J. Magyar etimológiai szótár. Budapest, 1914-1930. Ч.1.

Iconicity in language: Bibliography. 2004. URL: http://es-dev.uzh.ch/en/iconicity/index.php?subaction=showfull&id=1197027659&archive=&start_from=&ucat=2& (дата обращения: 25.05.2011).

Jaaskelainen A. 2010. What motivates ideophone constructions? Paper for the Eleventh Biannual International Cognitive Linguistics Conference. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbXha2l0YW1ib3xneDozZDNjNjBINWRIZGU4ZGEy> (дата обращения: 25.05.2011).

Jarva V. Some expressive and borrowed elements in the lexicon of Finnish dialects// Ideophones / F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin's Press, 2001. P.111–120.

Magnus M. Bibliography of Phonosemantics. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 16.05.2010).

Magnus M. Gods of the word: Archetypes in the Consonants. Kirksville: Thomas Jefferson University Press. MO. 1998. 357 pp.

Mikone E. Ideophones in the Balto-Finnic languages // Ideophones / F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin's Press, 2001. P. 223–234.

Ohala J.J. Bibliography on Sound Symbolism // Phonology Laboratory, University of California,

Berkeley, 1983. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 16.05.2010).

Pinter G. Hangariigo-no nizuuu-ziin [Double consonants in Hungarian]. Paper presented at a meeting of Japanese Ural Society, 5 July 2003. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbXha2l0YW1ib3xneDozZDNjNjBINWRIZGU4ZGEy> (дата обращения: 25.05.2011).

Skalička V. Studie o maďarských výrazech onomatopoických // Sborník filologický. 1935. Vol. XI. P.75–101.

Tolkien J.R.R. The Road Goes Ever On: A Song Cycle. Poems by J.R.R. Tolkien. Music by Donald Swann. With decorations by J.R.R. Tolkien. Boston: Houghton Mifflin Company, 1967. 67 [1] pp.

Veldi E. Onomatopoeic Words in Bilingual Dictionaries (with Focus on English-Estonian and Estonian-English). Dictionaries // Journal of the Dictionary Society of North America. 1994. Vol.15. P.74-85. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 18.03.2010).

Wynecoop Sh., Golan L. 1996. A bibliography of synesthesia and phonesthesia research. URL: http://www.flong.com/texts/lists/list_synesthesia_bibliography/ (дата обращения: 25.05.2011).

Yoshikawa T. Finrandogo-no giseigo [Onomatopoeia (*giseigo*) in Finnish]. Nihongo-kyoiku [Journal of Japanese language teaching]. 1989. V.68. P.136-139. URL: <http://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbXha2l0YW1ib3xneDozZDNjNjBINWRIZGU4ZGEy> (дата обращения: 25.05.2011).

RESEARCH OF SOUND ICONICITY IN PERMIC LANGUAGES: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Article one

Svetlana S. Shlyakhova

**Professor of General Linguistics Department
Perm State Teachers' Training University**

The planned series of works consists of three articles devoted to the research of sound iconicity in the Permic languages. In the first article the review and analysis of the Russian and foreign studies devoted to the research of iconicity in language in the Finno-Ugric (Hungarian, Finnish, Estonian) and Permic (Komi [Komi-Zyrian]; Komi-Permyak [Permyak, Komi-Permyak, Kama Permyak, Komi-Perm], Komi-Yazva and Udmurt [Votiak, Votyak]) languages are presented. It is revealed that in the non numerous researches the Finno-Ugric languages are not often considered to be the independent subject of study, but they are used as data for the comparative analysis. Most of the studies are not aimed at the phonosemantic specificity, but at grammatical, semantic and word-formation possibilities and etymology of the iconic words.

Key words: Finno-Ugric languages; Permic languages; sound-symbolic words; phonosemantics; sound iconicity; onomatopoeia.